

**«Моя война»
(или долгая дорога домой)**

В журнале она называется «Мое время (жизнь) в Росток»

Ветеранов второй мировой войны с каждым годом становится все меньше. Что мы можем оставить после себя нашим потомкам, извлекут ли они какие-либо уроки из нашего трагического прошлого?

Две наши страны – Россия и Германия понесли в минувшей войне самые большие потери: СССР (Россия) потеряла более 27 миллионов человек, а Германия более 8 миллионов. Огромные потери России объясняются тем, что миллионы советских людей погибли в гитлеровских лагерях, миллионы на оккупированной территории- оккупация России длилась три долгих года. Ну, и, конечно, фронт – этот всепожирающий «МОЛОХ».

Когда чужая армия приходит на твою землю, это всегда трагедия. Я пережил эту трагедию, когда в октябре 1941 года в мой родной город Таганрог, родину Чехова, вошла дивизия «СС» «Адольф Гитлер». Но я был свидетелем и, можно сказать, не только свидетелем, но и человеком, который вместе с немцами пережил чудовищные бомбежки авиации союзников СССР – американцев и англичан.

В мае 1942 года я вместе с матерью был вывезен из Таганрога на принудительные работы в Германию и попал в лагерь «Спорт-Паласт» в Росток. Мне было 14 лет, матери –35. Из Таганрога в Германию были вывезены 27 тысяч молодых здоровых людей. В 1942 году, когда стало ясно, что «блицкриг» не получился, Германии потребовалось много рабочей силы. Она привлекалась в рейх из разных стран.

В Росток было три авиационных завода Эрнста Хейнкеля. Головной, сборочный завод «Мариене» был на берегу залива Варнов, «Бляйхештрассе» – возле городской товарной станции, а «Верфтштрассе» – неподалеку от завода «Нептунверфт», который производил подводные лодки.

В конце апреля 1942 года Росток был подвергнут ужасающей бомбардировке английской авиацией. Когда нас выгрузили из эшелона и вахманы с собаками погнали нас в лагерь «Спорт-Паласт», наш путь пролегал через центр города, который представлял собой сплошные развалины. Это была страшная картина. Около 40 тысяч жителей Росток остались без крова, сотни были погребены под развалинами, так как тогда еще Германия не подвергалась таким сильным налетам. Никто не прятался. Кельн и Росток были первыми городами, которые были так сильно разрушены авиацией союзников.

Наш лагерь «Спорт-Паласт» был лагерем необычным в том смысле, что это был собственно не лагерь – бараки, окруженные изгородью из колючей проволоки, это было здание со спортивным залом на первом этаже, где разместили около тысячи двухэтажных нар и залом поменьше на втором этаже, куда и попали мы с матерью, а также другие семейные люди: муж и жена, брат и сестра и прочее. Приток рабочей силы был так велик, что в Германии просто не успевали строить стационарные лагеря. Мы «жили» в этом здании полгода и эти полгода были самыми невыносимыми. Можно себе представить спортивный зал без окон (маленькие окошечки вверху, покрашенные для маскировки синей краской), где помещается 2000 человек, а на нашем этаже – 400. Мыться нам было негде, и можно себе представить тот «аромат», которым был наполнен этот «Спортивный дворец».

Подъем у нас был в 4 часа утра, в 5-построение, около 6 колонну «остарбайтеров» выгоняли из лагеря и до завода «Мариене» нас сопровождали вахманы (охрана заводов Хейнкеля) на велосипедах и с собаками. В день нам давали 250 грамм «хлеба» – я беру это слово

в «кавычки», нельзя было этот глинистый мякиш называть хлебом в полном смысле слова, и два раза «овощной суп» — «баланду» — тюремную похлебку из брюквы, немного моркови и еще меньше картофеля. Наш путь на завод занимал около двух часов, примерно 7 километров. Моя мать попала на кухню для русских, а я транспортную команду и был чернорабочим, грузчиком. Работа, конечно, непосильная для подростка в 14-15 лет (свое 15-летие я «отметил» в октябре 1942 года в «Спорт-Паласте»).

Завод «Мариене» был в миниатюре «новой Европой», которую хотел создать Гитлер. На заводе работали немцы, французы, итальянцы, венгры, чехи, поляки, голландцы. На самой низшей социальной ступеньке «стояли» русские. Русские должны были носить на «джинсовых» куртках «ОСТ» — пришитый к куртке матерчатый знак и треугольный желтый жетон с буквой «Р» посередине. Русские не имели право входить в туалеты для немцев, садиться в трамвай (в 1943 году лагерный режим, после Сталинграда стал слабее и русским невольникам стали давать что-то вроде «увольнительной»), можно еще многое чего перечислять, если коротко, то нам было «все» запрещено. На второй ступеньке были поляки. Сотни тысяч поляков, которые попали в плен в 1939 году, были расконвоированы и проживали тоже в бараках, в лагерях, но без охраны. Они могли свободно выходить в город, посещать кино, публичный дом для иностранцев. Для немцев был отдельный публичный дом. Все остальные не немцы носили на лацкане «джинсовой» куртки зеленый треугольник с буквой «А» — «Ауслендер».

Кухня для поляков была получше, чем для русских, для иностранцев еще лучше, а для немцев, естественно, «особый» готовился суп. Не хочу больше описывать все эти «ужасы» прошлой жизни, так как сотни тысяч немцев, которые попали к нам в плен, естественно, тоже могут поделиться своими горькими воспоминаниями. Была, конечно, разница!: Немец в плену мог русскому казаться «врагом», «фашистом», нацистом, но человеком! Мы же, русские, в системе гитлеровского рейха были просто «нелюди» — «унтерменши».

Когда я говорю о «джинсовых куртках» и можно даже сказать о «джинсовых костюмах», то я не иронизирую. Если кто-то думает, что «джинсы» «придумали» в Америке, то глубоко заблуждается. «Джинсы» — это немецкое изобретение, конечно, джинсы, которые носили мы, делались из другого материала, в основном из древесины, но окраска, а главное — не мнутся, изнашиваются мало и вообще очень практичная рабочая одежда. Стереотип — полосатые «пижамы» у заключенных концлагерей — так показывает кино концлагеря. Была, конечно, и «полосатая» одежда, но в ней нельзя «работать». «Пижама» такая непрочная, пачкается, в ней можно только «сидеть».

Концлагеря в Германии тоже были разными, и режим был разным. Были лагеря уничтожения, которые к концу войны часто становились рабочими лагерями по той же самой причине — требовалось все больше и больше рабочей силы, так как тотальные мобилизации обескровили Германию. Я потом встречался с узниками Дахау и могу сказать, что режим в «Спорт-Паласте» мало чем отличался от режима Дахау. (Освенцим я не беру — это особая статья).

Как свидетельство «жесткости» привожу слова из аусвайса моей матери, такой же был у меня, который я сдал контрразведке, когда попал в нашу армию. Вот эти слова: «Не оставлять без надзора местной полиции».

В конце 1942 года нас, наконец, перевели в стационарный лагерь, который тоже так назывался «Спорт-Паласт». Тут были бараки, тут уже можно было «жить», по крайней мере помыться, постирать одежду.

«Новая Европа» Гитлера, конечно, не нравилась нам, русским. Не нравилась она и полякам, и всем иностранцам. (Я знаю, что многие немцы, особенно после Сталинградской битвы, стали понимать, что в таком виде «Новая Европа» долго существовать не сможет).

В 1943 году меня «приставили» к двум французам, военнопленным, которые работали на передвижном электрокране. Меня «выдвинули» на эту должность за «мой немецкий» — у

меня оказалась способность к языкам и через год «лагерного университета» я довольно прилично владел разговорным немецким языком.

Когда я «попал» к французам — на передвижной электрокран, то жизнь вообще можно сказать, «наладилась». Работа здесь не была такой тяжелой, мои друзья французы ежемесячно получали посылки Международного Красного Креста, в которых были бисквиты, сигареты, шоколад. Они меня «подкармливали». Говорили мы на смешанном немецко-французском языке (в школе я учил французский), и мы в свободное от работы время (вагоны еще не подали на станцию, завод имел собственную железнодорожную станцию) даже «разучивали» песни на французском и на русском языках. Я научил их петь популярную довоенную песню «Три танкиста, три веселых друга — экипаж машины боевой», а они меня научили «французской», из фильма «Диснея» «Три поросенка», но по-французски это звучало так: «Ильете труа пти кошон, пти кошон, пти кошон...» (Нас же было «трое»). Так что можно сказать мы жили «весело...».

После Сталинграда на «Мариене» стали складываться группы Сопротивления, так как у людей появилась надежда на то, что будет поворот в войне и наше освобождение возможно. Я не буду сейчас рассказывать о саботаже (он был невелик и карался смертной казнью) и таких актов было немного. Расскажу о том, в чем я сам принимал участие.

Завод «Мариене» выпускал бомбардировщики «Хейнкель-111», а позже и тяжелый бомбардировщик «Хейнкель-177». Велись работы и над машиной с реактивным двигателем.

При мне Росток бомбили сильно несколько раз. 20 апреля 1943 года город ночью «залили фосфором» — зажигательные бомбы. Когда утром мы шли на работу, весь город был «расцвечен» флагами в честь дня рождения Гитлера, а на другой день уже ни одного флага не было — все сгорело. В том же году был разбит «Нептунверфт». Потери американских и английских кораблей были так велики от подводных лодок, что верфи Америки и Англии не успевали строить новые, поэтому союзная авиация «била» в 1943 году заводы подводных лодок по всей Германии.

Был налет (дневной) скоростных бомбардировщиков «Москито» и на «Мариене» — разбили электростанцию и несколько цехов. Но до 1944 года все заводы Хейнкеля работали «исправно» и давали, особенно Восточному фронту, много самолетов. До 1944 года наши союзники заводы Хейнкеля, можно сказать, не «трогали», но когда в 1944 году на Лондон стали падать ракеты ФАУ-1, а потом и ФАУ-2 (от ФАУ-2 не было никакой защиты у англичан), то английская секретная служба дала задание «деголлевцам» — «Сражающейся Франции» — узнать, какие заводы делают детали для ракет. Было ясно, что к ракетной технике самое близкое отношение имеют авиационные заводы. И вот в 1944 году на «Мариене» приехал французский авиатехник Жорж Мерсье. Эти французы «добровольно» вербовались на работу в Германию. Я знаю об этом потому, что после войны собирал материалы для романа «Замерзшие молнии». В 1944 году после очередной тотальной мобилизации в конструкторское бюро на «Мариене» взяли чертежницами, копировальщицами 8 русских девушек. Одну из них звали Женя — Евгения. Она перед войной окончила Таганрогский авиационный техникум («колледж»). Она была моей землячкой. Мы жили в одном лагере. Мои французы — Эммануэль и Эдуард попросили меня познакомить Мерсье с Женей. Завод «Мариене» занимал огромную площадь и место, где «познакомиться» найти было несложно. В частности, это произошло в боксе, где стоял наш кран. Мерсье показал Жене синьки, кальки чертежей ФАУ-2. В Англии несколько ракет не взорвалось. Одну из них англичане откопали, сделали чертежи и «разослали» «своим людям» во французском Движении Сопротивления. Один из них и был Мерсье. (Думаю, это не настоящая его фамилия.).

Недели две от Жени не было «вестей». Но вот она и ее подруга «нашли», что номера таких то деталей «проходят» через «Мариене», а «такие-то детали» делает Бляйхештрассе...

На заводе была большая радиостанция — диспетчерский пункт для «проводки «своих самолетов. Там тоже работали под «присмотром» немцев вольнонаемные французы — друзья

Эммануэля и Эдуарда. Они ухитрились подать короткий сигнал в Лондон и мне мои товарищи французы сказали, что теперь надо «ждать гостей».

Первым был разбит завод «Бляйхештрассе». Там я чуть не погиб. Меня на этот раз едва не «погубил» мой «немецкий язык». Наш старший мастер господин Майер нередко посылал меня как «байфарера» с шофером Гансом Зееманом на машине за ящиками на товарную станцию. Туда, к примеру, приходит, пять сравнительно небольших ящиков «для нас». Их доставляют в вагоне с другими грузами на городскую товарную станцию. Мы ехали туда и брали «свои» ящики. Так было и в этот раз. Загудели сирены – «Алярм!» Я сказал Гансу Зееману: «Давай выедем за город и там «под деревьями» отстоимся, переждем налет. Но он мне ответил: «Квач – чепуха! Налета на Росток не будет...» Не мог же я ему признаться, что мы «ждем гостей».

Радио сообщило: «Сильные вражеские соединения идут на Росток». Мы спустились в подвал под здание вокзала... – убежище, но какое это убежище – подвал под трехэтажным зданием. Вот там нас и «похоронило». Одна бомба попала в одно крыло здания, вторая в другое – все погибли, а нас, посередине, «замуровало». И только потом... Потом... Очередная волна бомбардировщиков «откопала» нас. Бомба упала рядом со зданием, вырыв воронку около восьми метров. Мы почувствовали «ток свежего воздуха». Стали карабкаться и «выползли». Товарная станция и завод «Бляйхештрассе» – все горело и жар – нестерпимый – я закрывал лицо руками, но ничто не помогало...

Когда через 20 лет после войны я приехал в Росток, то сразу, вечером, пошел к зданию вокзала, к «своей могиле»... Постоял там, помолился...

На «Мариене» союзники налетели в середине августа 1944 года. Союзники уже закрепились на французском побережье, силы их авиации «высвободились», и этот налет я уже «наблюдал» с кирпичного завода между Крепелиным и Кюлунгсборном. Завод этот пустовал, и там решили сделать склад (запас деталей). Туда нас, русских, – 25 человек перевели в начале августа.

Налет на «Мариене» запомнился на всю жизнь. Все небо было «в самолетах». После двухсот мы «сбились» со счета.

Американцы бомбили «площадями» с высоты 10 тысяч метров. «Накрыли» они все «Мариене». Погибла Женья, погиб Эдуард, погибло сотни людей разных национальностей. Но больше всего русских, так как и «убежища» для русских тоже были «особые» – они сразу рухнули. (Мне прислали на диске DVD передачу обо мне, о моем визите в Росток в мае 2009 года, куда я приехал с внучкой «передать эстафету»). Потом появилась эта статья в журнале еще – полоса в «ОСТЗЕЕ-ЦАЙТУНГ», это уже делал немецкий журналист ДИТРИХ ПЕТЦОЛЬД. Из этой передачи я узнал, что с 1939 года по 1944 год заводы Хейнкеля в Ростке произвели 4900 самолетов, которые использовались на европейских фронтах, но с 1944 года уже ни один самолет не «выскользнул» из «недр Мариене».

Весной 1945 года с этого склада, с этого кирпичного завода я и бежал к фронту... Может, сильно сказано, «бежал». Охраны на складе не было. И никакой проволоки... Но если бы я попался, то – ясное дело... Я видел по дороге повешенных немцев с надписью «ПРЕДАТЕЛЬ». Попадись я, уж, конечно, не пощадили бы... Но шло уже «великое переселение народов». Из Померании, из Восточной Пруссии шли, «ехали» – кто как и на чем. попало беженцы. И французы «шли из освобожденных или брошенных лагерей «домой», на запад, во Францию. Я решил «выдавать себя за «француза».

Ночью канонада-все небо багровое.

Утром, лежу в перелеске и слышу шум танков – это были советские танки...СВОИ. Конечно СМЕРШ, ПРОВЕРКИ.

Я напросился на фронт. Стрелять тогда не умел. И здесь меня «выручил» мой «немецкий» язык. Меня взяли в полковую разведку, так как там никто не знал немецкого. А заканчивал войну шофером минометной батареи.

С этим полком я и дошел до Висмара, где мы соединились с английскими войсками.

Все, о чем я рассказал, так или иначе нашло отражение в моих книгах. Их у меня 32 (те-

перь уже 33). Тираж более 2 с половиной миллионов экземпляров. Они издавались в Москве, переводились на венгерский, частично на немецкий, на болгарский и на языки народов СССР, как раньше говорили – на украинский и прочие языки.

Что я думаю сегодня о немцах, о будущем для наших народов, это уже другая большая тема.

Скажу только, что добрые отношения между Германией и Россией всегда приносили пользу обоим нашим народам, а война – только колоссальный вред и страдания.

ЦГТБ имени А. П. ЧВехова